
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СЕЛЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, СТАРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

П.П. Великий

В статье анализируются реалии сельского социума в контексте перемен, вызванных аграрной реформой, которая не расширила, а сократила возможности массовых слоев сельского населения реализовать свои материальные и духовные потребности. Автор стремится показать, что с помощью продуманной социальной политики, опирающейся на приоритетные проекты развития АПК, можно преодолеть стихийные процессы и кризис созидания на селе, которые связаны не только и не столько с исчерпанием ресурсов (техники, удобрений, производственных помещений, созданных или полученных еще колхозами), сколько с переосмыслением смысловых ориентиров сельского населения и, в соответствии с этим, корректировкой социальной политики.

Ключевые слова: аграрная реформа, сельское население, социальная политика, интеграция

Приоритетное развитие агропромышленного комплекса в составе национальной экономики России является стратегической задачей долгосрочного социально-экономического развития страны, вследствие того, что конечный продукт комплекса, составляющий более 60 % его валового выпуска, обеспечивает продовольственную независимость страны и оказывает существенное влияние на конъюнктуру мирового продовольственного рынка. Доля валовой добавленной стоимости в агропромышленном комплексе (около двух третей его валового выпуска) означает, что этот комплекс является мультипликатором экономического роста национальной экономики.

Аграрный сектор является многофункциональным и не только производит продукцию, но также обеспечивает воспроизводство общественно

значимых ценностей, которые должны быть осмыслены на основании генотипа собственной культуры. Внося значительный вклад в жизнеспособность сельской местности, сохранение аграрного ландшафта, он играет важную роль в сохранении культурного наследия и поддержании здоровья человека.

В функционировании АПК и жизни села произошел перерыв постепенности, вызванный аграрной реформой. После многих десятилетий раздаточной экономики и командных методов управления, сельские жители получили формальное право самим выбрать одну из форм хозяйствования, основанных на рыночной философии. Но одно дело выбрать, совсем другое вписаться в реально существующий рыночный порядок.

Ныне на селе получили распространение такие социально-экономические образования, в которых во взаимодействии сельской общности и крупного хозяйства соединены капиталистические, социалистические и народно-коллективистские (общинные) отношения, и такие образования не могут быть лучше людей, которые их создали. Истоки приближения сельского населения к умению пользоваться рыночными механизмами нужно искать не в рамках последнего десятилетия, а в значительно большем временном пространстве.

Наиболее зримые элементы капиталистических форм сложились в фермерском секторе АПК. Удельный вес производимой ими продукции составляет всего 3,7 %, но фермерство оказалось весьма привлекательным для сельского населения, которое готово идти к фермерам наемными работниками.

Следующая форма — это товарное домохозяйство, и сегодня 60 % сельских домохозяйств ведут устойчивое товарное хозяйство, производят значительный, более половины, объем продукции аграрного сектора страны. Соглашаясь с тем, что мелкотоварное хозяйство — есть массовое, но официально не признанное фермерство или, по крайней мере, его стратегический резерв, отметим взаимообусловленность таких отношений, которые поддерживают на грани выживания обе хозяйственные формы. Поддержание такого баланса — это интерес не только менеджмента хозяйства, но и сельской общины, которая, с одной стороны, видит в крупхозе некоего конкурента, потому что одни и те же кормовые угодья используются для скота из домашнего хозяйства и из крупхоза, а с другой стороны, ей важно, чтобы крупхоз функционировал более или менее эффективно, чтобы получать (приобретать) корма для своих животных и получать другие блага.

Неэквивалентность обмена с внешними контрагентами, которую определяла стихия рынка, вызвала к жизни специфические формы выживания крупных хозяйств новых организационно-правовых форм. Различного рода компромиссы, двойной учет, товарный обмен, уход от налогооб-

ложения, невыплаты зарплаты и взносов в страховые фонды стали широко распространенной практикой повседневности всех хозяйствующих субъектов — от коллективных хозяйств до фермеров. Основная масса сельского населения — механизаторы, доярки, полеводы, учителя, культработники, которые имели трудовые отношения и общественные связи с коллективным хозяйством, вскоре оказались на обочине рыночного порядка.

За эти годы в селах сложились две экономики: во-первых, нестабильная и малоэффективная экономика крупхозов и фермеров (агрохолдинги во внимание брать не приходится, поскольку социальных проблем села они не решают, порой им даже не нужны местные трудовые ресурсы). При сохранении экономического режима, в котором они функционируют ныне, им не будет места после вступления страны в ВТО. Это твердое убеждение многих практиков. Во-вторых, экономика семейных хозяйств имеет более устойчивую форму, но в перспективе — тоже затухающая (по мере утраты с возрастом физических сил и сокращения потребностей их деятелей).

В Саратовской области, типичной для сельской России, в 1993 году сельскохозяйственные организации по объему производства занимали 59 %, семейные хозяйства 36 %, в 2004 году соотношение резко изменилось — 29 % и 52 % соответственно [Российский... 2004. С. 418; Статистический... 2005]. Хотя экономика семейных хозяйств и кажется устойчивой, но она повергает семью в образ и стиль жизни, терпимые средним и старшим поколением, но совершенно чуждые молодежи.

Семейные хозяйства сельских жителей стали заметным сектором аграрной экономики, но не как результат реформирования, а скорее как следствие реализации человеческого потенциала села, который, зачастую вопреки реальной аграрной политике, занял вполне самостоятельную позицию среди других хозяйственных укладов. Конечно, в силу того, что отношения и связи его с рыночной средой специально не институционализированы, неизбежны потери и издержки, такие как незащищенность перед коммерсантами — перекупщиками произведенных сельскохозяйственных продуктов, ограниченные возможности лично попасть на городские рынки, где все «схвачено» мафиозными группами, поборы на дорогах со стороны работников милиции и др. И тем не менее именно в этом секторе, а не в крупных хозяйствах, происходит наиболее заметное формирование новой рыночной культуры труда, способности к риску и социальная ответственность.

Неоархаичные практики жизнедеятельности, обладающие элементами независимой жизни, которые появились на селе, не уменьшают несвободу. Семейное хозяйство (ЛПХ), в котором, как правило, есть скот, птица, настолько привязывает семью к своему режиму (кормление, поение, чистка помещений, забота о кормах), что ставит под сомнение любые отклонения, такие как отдых или лечение, требующие выезда

на длительное время. Многие жители сел, расположенных на транспортных магистралях, перешли на работу в города, реанимировав традиции крестьянского отходничества. Но это тоже несвобода, так как человек уезжает от семьи на длительное время, ютится в плохих жилищных условиях, добирается домой на попутном транспорте и т. п.

Данная обстановка приучила жителей села надеяться в основном на потенциал самопомощи. На вопрос: «На кого в первую очередь вы будете рассчитывать при решении насущных проблем?» — 62 % опрошенных работников физического труда ответили, что только на себя, 33 % — на помощь родственников и друзей и лишь 3 % — на руководителя местного сельскохозяйственного предприятия и государство. Почти не отличаются эти показатели у специалистов с дипломом.

Наличие частной собственности в условиях рыночной экономики является серьезным фактором стабильности и независимости жизни. По результатам мониторинга оценки своего благополучия по истечении последних 15 лет таковы: жить стали лучше 7,2 % сельских респондентов, ничего не изменилось для 24 %, стало жить хуже — 56,2 %¹. Опрос сельских жителей, дифференцированных по социоструктурным признакам, показал, что работающие по найму и контракту в основном тратят свой доход на приобретение предметов повседневного спроса (до 57 %). Приобретение товаров длительного пользования (автомобиль, холодильник, мебель) могли осуществить 12 % наемных работников, примерно столько же собираются это сделать в ближайшее время. Гораздо активнее собственническая позиция владельцев и совладельцев предприятий, среди которых каждый четвертый уже вложил средства в приобретение акций, ценных бумаг, автомобилей, а 12 % даже в предметы роскоши, искусства, антиквариата. На вопрос о возможности обучения детей частным образом положительно ответили 90 % совладельцев предприятий и только 27 % наемных работников. В то же время 52,4 % последней группы ответили, что на эти цели свободных средств нет.

Сегодня по нашим расчетам на одно рабочее место (которое имеет крупхоз) претендует более 30 человек. Подобную ситуацию сельчане интерпретируют в том смысле, что рабочего места вообще не дождешься.

Хотя государство и не безучастно к судьбе деревни, но его меры направлены на поддержку в основном крупхозов и то не повсеместно, а точечно. В проекте ускоренного развития агропромышленного комплекса Саратовской области предусмотрено создание 10 снабженческо-сбытовых, 5 перерабатывающих и 17 сельскохозяйственных кредитных коопе-

¹ Повторные исследования проводились ежегодно с 1993 года по 2005 год в 4 районах Саратовской области, репрезентативно представляющих поволжские сельские регионы по плотности населения, социальному составу и т. д. Выборка квотная, ежегодно опрашивалось по 470–500 респондентов.

ративов при участии «Россельхозбанка». По национальному проекту поддержки сельского хозяйства в 2006 году беспроцентной формой кредита могут воспользоваться всего 1,5 % семейных хозяйств (ЛПХ) и 2 % фермеров. На примере Саратовской области видно, что почувствуют перемены в своей жизни жители всего 19 сельских поселений, где будет реконструировано или построено 19 животноводческих комплексов.

Ныне сложилась следующая модель основных социальных групп села в контексте восходящей или нисходящей мобильности: по экономической позиции в верхнюю часть пирамиды на селе попадают успешно хозяйствующие фермеры и руководители новых крупхозов (часто независимо от уровня хозяйствования). К ним примыкают представители малого и среднего бизнеса. В следующую группу входят главные специалисты крупхозов, главы крепких семейных хозяйств, то есть это те же фермеры, но не прошедшие регистрации, потому избавленные от фискальных притязаний государства. Сюда следует отнести также директоров сельских школ, руководителей коммунальных и других служб, действующих на селе. Еще ниже в социальной структурной лестнице находятся рядовые члены СПК, АО, ТОО, учителя, медицинские работники, пенсионеры. Это самый массовый слой сельского населения, который полностью зависит от работодателя или от уровня государственного материального обеспечения. Замыкает пирамиду сельский люмпен-пролетариат, включающий представителей самых различных профессий физического труда (как правило, спившихся, живущих мелким приработком или пенсией стариков).

Неустойчивость экономик коллективно-долевых хозяйств, базирующихся в селах, внесла серьезные коррективы в традиционную жизнь сельчан. В дореформенное время сохранялась постоянная потребность в человеке-работнике. Оплата труда была ощутимым подспорьем в семейном бюджете, сохранялась также уверенность в том, что в трудный час есть к кому обратиться за неотложной помощью.

Сельское население уменьшается количественно. По данным МВД и ФМС России, в 2002 году исход селян составил около 750 тыс. человек. В основном это молодежь в возрасте до 30 лет. Демографическая ситуация в сельской местности развивалась под влиянием сложившихся ранее тенденций рождаемости, смертности и миграции населения. Среднегодовая численность сельского населения продолжала сокращаться и составила 39,1 млн человек, или 27 % населения России. В среднесрочной перспективе сохранится тенденция к уменьшению среднегодовой численности постоянного населения, проживающего в сельской местности. Этому способствует то, что в большинстве регионов России рождаемость ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения.

Общий коэффициент смертности в расчете на 1000 человек, также как и показатель естественной убыли сельского населения в ряде

регионов, обнаруживает тенденцию к уменьшению. Серьезной социально-демографической проблемой остается сверхсмертность мужчин рабочего возраста. Основными причинами являются несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства. При сохранении сложившихся тенденций до пенсионного возраста из нынешнего поколения 16-летних мужчин до пенсии доживут лишь немногим более половины.

В последнее десятилетие численность лиц пенсионного возраста превышала число детей до 16 лет. Старение села вызывает увеличение нагрузки на трудоспособное население в связи с необходимостью затрат на содержание нетрудоспособного населения, расходов, связанных с выплатой пенсий, пособий, строительством специальных учреждений и созданием соответствующей инфраструктуры.

В селе в ходе реформ значительно сократилась социальная инфраструктура. До реформ совхозы и колхозы брали на себя значительную часть расходов на содержание детских дошкольных учреждений, школ, поликлиник и фельдшерских пунктов, отделений Сбербанка, телефонной и почтовой связи. Сейчас в сельской глубинке от всего этого фактически ничего не осталось¹. Многие, бывшие ранее самостоятельными, организации и предприятия становятся филиальными подразделениями организаций крупных областных центров, что в свою очередь усиливает зависимость деревни от города, проявляющуюся в навязывании режимов существования, без учета сельской, сезонной, территориальной специфики.

Однако есть и положительные сдвиги. По данным мониторинга, проводимого социологами института аграрных проблем РАН с 1992 года, материальное благосостояние улучшилось у 12,3 % селян. Почти не изменился уровень материального достатка на протяжении последних 2–3 лет среди работающих в бюджетных организациях – 40 %. Более половины (52 %) тех, кто занимается только ведением семейного хозяйства, также считают, что их положение не изменилось в худшую сторону. Они в своих оценках приближаются к фермерам. Основная масса удовлетворенных своим материальным положением (43 %) проживают в селах, расположенных на крупных транспортных магистралях, и это связано с тем, что там есть хорошие возможности продавать излишки продуктов со своего подворья. Наблюдается возросший уровень взаимо-

¹ Если в городе на 700 человек приходится три врача, то в сельской местности – один. Заболеваемость туберкулезом в ряде областей и краев в 3,5 раза превышает общероссийскую. В сельской местности России действует 70,4 % от всех общеобразовательных школ страны, в которых обучается 28,8 % детей, работает 41 % от общего числа педагогических кадров. В 1998/99 учебном году по сравнению с предыдущим учебным годом число общеобразовательных учебных заведений сократилось на 407, начальных школ – на 427, основных – на 146, а средних (полных) увеличилось на 168. Каждая четвертая сельская основная школа работает с числом обучающихся менее 40 человек. 57,6 % от общего числа основных школ на селе имели наполняемость 41–100 учащихся. На начало 1998 года только 37 % детей из села охвачено дошкольным образованием [см. Низова, 1999].

действия городских и сельских семей: трудовое участие городских родственников в трудоемких сельскохозяйственных операциях, взаимобмен продуктами, одеждой, лекарствами.

В целом можно сделать предварительный вывод, что неразделенный анализ места жизни, повседневной деятельности и культурного единства живущих на селе индивидов и групп проясняет скрытые резервы прогрессивного развития, которые время от времени прорываются наружу и дают позитивные результаты, часто вопреки проектам управления или логике распада старых структур.

Другой вывод сводится к тому, что разные элементы организма сельских социумов находятся в состоянии неоправданной дифференциации, и главной задачей социальной политики является интеграция, сборка их на новой рыночной основе. Интеграция, понимаемая нами как состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, применительно к сельскому социуму, как аграрной подсистемы общества, означает согласованный процесс созидания нового общественного организма из тех элементов, которые сохранились частично или полностью вопреки дезинтеграции и распаду, вызванных аграрной реформой, либо они по природе таковы, что их потенциал никогда не был по-настоящему востребован.

Данные наших исследований показывают, что селяне в результате реформ прошли три этапа.

1992–1993 годы характеризовались оптимистическими надеждами сельских жителей, связанными с активно пропагандируемыми новыми формами хозяйствования, раздачей имущественных и земельных паев.

В 1994–1995 годах произошел крах ожиданий перемен в личной судьбе крестьянских семей, связанных с изменением форм собственности, осознание своей сиротской доли на фоне богатеющих устроителей их жизни.

С 1996–2002 годов началось формирование автономных стратегий выживания, центральным звеном которого стало семейное хозяйство. Жизненные проекты (обучение детей в вузах, возможность переезда семьи в город) стали тесно увязываться с объемом того, что выращивается на своем подворье и может быть реализовано на рынке.

Ныне мы стоим на пороге четвертого этапа, где семьи, которым удалось закрепиться в новом экономическом режиме, связывают свое будущее с селом. Однако их меньшинство. Большинство же переосмысливает цели, жизненные проекты и даже смысл жизни. Осознавая исчерпание ресурсов внутри села, они ориентируются на поиск их вне его.

Политика должна быть иной, равно как и нормативная база. Суть в следующем. В 1992–1994 годах сельские жители-энтузиасты ждали серьезной помощи для индивидуального хозяйствования. Этого не произошло. Народный оптимизм сник, и вернуть его — очень трудная

задача. Большинство локальных сельских социумов России находятся в затянувшемся кризисе созидания, который ныне достиг апогея, что лишь частично связано с исчерпанием ресурсов (техники, удобрений, производственных помещений, созданных или полученных еще колхозами) и прекращением восполнения их в настоящее время. Кризис созидания происходит в силу переосмысления цели сельскохозяйственного производства, способов организации, смысложизненных ориентиров сельского населения, особенно молодежи.

Исследования предпринимательского потенциала села показывают, что активных индивидов, способных организовать собственное дело на селе, не более 10–12 %. По мере деградации сельскохозяйственного производства и реальной угрозы безработицы лишь 5 % сельчан думают организовать фермерское хозяйство, значительная же часть сельских респондентов (около 40 %) перейдут исключительно в ЛПХ.

Просуществовав в таком режиме до сегодняшнего дня, то есть более 15 лет, нефермеры частично нашли ниши выживания, это также социальный эксперимент, который, хотели того или нет, запустили младореформаторы. Результаты социологических исследований показывают, что источники семейного бюджета за этот период больше были связаны с семейным хозяйством (28,8 % — в 1994 году, 39,0 % — в 2002 году). Удельный вес зарплаты наоборот уменьшился на 8 %. Хотя все жители села получили земельные паи сельскохозяйственного назначения, это не принесло существенных добавок в бюджет сельской семьи. Всего 9 % респондентов включили выплаты за земельный пай в перечень источников дохода, что в два раза ниже доли пенсий стариков. Причина заключается в резком сужении объема сельскохозяйственной деятельности коллективных хозяйств, которые перестали испытывать потребность в больших земельных угодьях.

«Вес» земельного пая в бюджете крестьянской семьи с годами уменьшается: за 15 лет, с момента раздела сельскохозяйственных угодий, выросли дети, которые, став взрослыми, остаются на хлебниками на долях, полученных родителями. Эту ошибку младореформаторов можно исправить за счет передела сельскохозяйственных угодий людей, не имеющих наследства и которые по закону возвращаются в государственный фонд.

Одновременно этот «эксперимент» показал усиление недоверия крестьян к государству и его аграрной политике. Так, ЛПХ сейчас практически дает очень небольшой доход, потому что перекупщик диктует цены, которые ниже рыночных примерно в три раза. Крестьяне утверждают, что домашний скот они рассматривают как «сберкнижку»; в экстренных случаях можно продать и получить некоторую сумму, между тем как, общаясь с настоящим Сбербанком, можно потерять все. Такова память об обесцененных вкладах начала 90-х годов. Другое свиде-

тельство недоверия проявилось в отношении к Всероссийской сельскохозяйственной переписи. В доверительных беседах сельяне подтвердили, что сведения о количестве скота они занизили до минимума; не зря же, говорят они, затрачено столько денег на перепись, не ради любопытства, жди нового налогообложения.

Ныне, и это сильно корректирует политику, уже нельзя ориентировать, скажем, на рост фермерства — ресурс материально обеспеченных людей исчерпан. Нужно поддержать крупхозы, вовлечь туда оставивших их (благополучных хозяев ЛПХ). Сегодня земельные паи сельских жителей, у которых нет наследников (престарелых, находящихся на изживении, в интернатах и т. п.), возвращаются государству. Для того чтобы эти неиспользуемые земли поскорее пустить в оборот, их, вероятно, следует выкупить за счет государства. Один из вариантов их использования — сдача в аренду производственным кооперативам, которые еще можно создать из сельского населения. Анализ показывает, что в средних и крупных селах есть еще (где больше, где меньше) лица активного физического возраста, которые могли бы осваивать брошенные земли, при условии создания кооператива, который, конечно, требуется оснастить хотя бы минимальным набором сельскохозяйственной техники и инвентаря. Однако было бы утопией думать, что техническое оснащение таких кооперативов может произойти за счет средств предполагаемых членов. Нужна серьезная помощь государства.

Третий этап, который наступит независимо от сопротивления властей и общественных сил, сведется к распространению в сельском хозяйстве крупных агрохолдингов, частных владельцев крупных земельных участков как господствующей формы. Все это неизбежно с учетом перспективы исчезновения коренного сельского населения, его дееспособной части. Люмпены там, как и бомжи в городе, останутся навсегда. Об этом говорят сами сельские жители. Главной проблемой села (из обширного перечня проблем, включающего 20 наименований), на которую указало подавляющее большинство сельских респондентов — 72,5 % — остается безработица. Далее, по степени убывания, идут проблемы алкоголизации — 60,4 %, бедности — 51,5 % и бездеятельности власти — 32,2 % [Бондаренко, 2005. С. 39]. Задача государства — готовить нормативную базу, чтобы принуждать новых хозяев заниматься преимущественно сельским хозяйством, а не разведением породистых собак, организацией охотничьих хозяйств и т. п. (хотя на минимальном уровне и это возможно).

Таким образом, за 15 лет в АПК сложился ряд новых отношений, с которыми придется считаться государству в дальнейшей политике. Так же, как и в промышленности, ТЭК, строительстве появились собственность на землю и ее собственники (владельцы паев, земля, перешедшая АОО, агрохолдингам и т. п.). С ними можно взаимодействовать только

на основе Гражданского кодекса или других актов, защищающих частную собственность. Неиспользуемые земли по закону постепенно возвращаются в ведение местных органов, и этот процесс пойдет все активнее по мере естественного ухода из жизни старшего поколения. Социальный контекст сельских реалий с каждым годом все жестче регламентирует выбор вариантов землепользования. Сельское население бедно, многие страдают алкоголизмом, и они ненадежны как работники. Некоторые фермеры приглашают на работу мужчин при условии, что те согласны на противоалкогольное кодирование.

Если упустить время, то в дальнейшем государство вынуждено будет пойти на крупное частное землепользование, поскольку других агентов земельных отношений на селе не останется. Но это скорее относится к местностям с русским населением, то есть к большей части сельской России. В местах, заселенных другими этносами, ситуация более спокойная, так как там новые поколения связывают свои жизненные планы с сельскохозяйственной занятостью и сельской жизнью.

Главным приоритетом современной аграрной реформы оказалась скоропалительная ликвидация совхозов и колхозов при полной неопределенности перспектив их производственных коллективов, поскольку не было никаких аналогов того, как приспособятся вновь образованные крупные хозяйства к жестким условиям российского рынка. Были и другие варианты менее болезненного вхождения села в рынок. Но они уже в прошлом. Нужны меры по восстановлению жизненной среды села хотя бы до уровня конца 80-х годов. Она и тогда не была слишком развитой, но массовое сознание считало ее достаточной. По крайней мере, не было необходимости реанимировать «отхожий промысел», то есть уходить на недели и месяцы в города, чтобы прокормить семью. Было к кому обратиться в экстренных ситуациях за помощью. Более густое рассредоточение учреждений медицинского и культурно-бытового обслуживания позволяло получать соответствующие социальные блага.

Гораздо больше «оговорок» придется делать, когда речь пойдет об общине, поскольку классическая крестьянская община включала общие хозяйственные цели, а также социальный контроль и взаимопомощь, то есть была подобна организации. Сегодня можно говорить лишь о типично поселенческой общине, в которой ослабли гемайншафтные (подобно семейным) и усилились гезельшафтные отношения¹, то есть в ней преобладают конвенциональные аспекты общения (Ф. Тённис).

Идеи подготовки аграрных реформ и их проведения долгое время не входили в актуальную культуру российского общества, не обсуждались

¹ Gemeinschaft und Gesellschaft – нем. община и общество – понятия из работ немецкого социолога Ф. Тённиса, противопоставлявшего различные типы социальных отношений. – *Примеч. ред.*

с точки зрения многообразия новых предпосылок и возможных последствий введения инноваций. Многое упущено или невосполнимо утрачено. При этом речь не идет о материальной стороне: вместо разрушенных ферм, токов и зерноскладов можно построить новые. Гораздо сложнее с человеческим потенциалом села. Наблюдается потеря интереса к сельскохозяйственной трудовой деятельности. Так, хотели бы работать на сельскохозяйственном предприятии в 1993 году — 8,7 % респондентов, а в 2002 году — 36 %. Процент желающих, чтобы их собственные дети или внуки работали в сельском хозяйстве сократился за последние десять лет с 27,1 % до 3,3 %. Только 10–15 % выпускников сельских школ, намеревающихся получить высшее образование, избирают местом учебы сельскохозяйственные вузы, но по их окончании почти никто не возвращается на село.

Появились свидетельства обесценивания самых важных жизненных благ, которые отвергаются молодежью только потому, что они находятся в селе. Например, молодая семейная пара, получившая высшее агрономическое образование, снимая в городе комнату, и не имея приличной работы, отказывается от предложения переезда в дом с прекрасными условиями в сельской местности. Это нужно понять так, что для нее важна еще и среда общения, которая в селе действительно сильно деформирована. В этой связи вновь актуализируется идея агрогородов, которая в 70-е годы прошлого столетия была подвержена критике и отвергнута как не соответствующая тогдашним реалиям сельской жизни. Действительно, при том уровне развития производительных сил и коммуникаций они вряд ли могли бы иметь преимущества по сравнению с райцентрами, которые по условиям жизни мало отличались от сельской глубинки. Иное дело сейчас: крупный аграрный бизнес и власть нуждаются в стабильных коллективах и надежных кадрах и должны пойти на затраты, чтобы создать не точечно социальные блага, не жилье, пусть и удобное, но в вымирающем селе, а воссоздать целый поселок, где есть и разнообразие мест приложения труда и социально-культурная инфраструктура, и экологическая безопасность.

Региональная социальная политика получила серьезную поддержку благодаря вступлению в действие национальных проектов развития агропромышленного комплекса России. Инновационное обновление российского агропромышленного комплекса в перспективе будет осуществляться по четырем основным траекториям, которые соответствуют базовым типам инноваций в этом комплексе, а именно: селекционно-генетическим, производственно-технологическим, организационно-управленческим, экономико-социо-экологическим. Каждый тип инноваций обладает различной силой воздействия на рост производства, снижение издержек, решение экологических проблем и социальное развитие.

На уровне регионов реализация национальных проектов определяется региональными особенностями формирования вектора затрат, демографической ситуацией, состоянием рынка труда, уровнем развития

социальной инфраструктуры. На преодоление негативной тенденции снижения темпов валового накопления в агропромышленном комплексе направлен механизм субсидирования процентных ставок по инвестиционным кредитам, стимулирующий привлечение средств коммерческих банков для развития лизинга техники, оборудования и племенного скота, обеспечение надежного сбыта продукции. Так, в Саратовской области предусмотрено субсидирование процентных ставок по инвестиционным кредитам, полученным на срок до восьми лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов, помещений и ферм, приобретение племенного скота и оборудования для животноводства. Общая сумма таких субсидий составляет 435 млн рублей и по нашим расчетам может обеспечить привлечение почти 3,5 млрд рублей кредитов коммерческих банков, которые найдут нишу реализации своих интересов. Благоприятные экономические условия для реализации проекта создаются в связи с отменой ввозных таможенных пошлин на те виды технологического оборудования для животноводства, которые не имеют отечественных аналогов. Эти меры направлены на повышение конкурентоспособности животноводческой продукции российского производства, снижение удельного веса импортной мясомолочной продукции в общем объеме ее потребления.

Одна из назревших задач развития агропромышленного комплекса — стимулирование развития кооперации фермеров с использованием опыта зарубежной практики эффективности объединения фермеров. Необходимо поддерживать и развивать формы самоуправления и самоорганизации фермеров России, создавать финансовые условия для развития собственной инфраструктуры. Функционирование кредитной системы страны должно обеспечить доступность кредитов для большинства коллективных и крестьянских (фермерских) хозяйств. В настоящее время около 50 % хозяйств имеют возможность использовать лизинг, залогом которого является непосредственно предмет лизинга.

Национальный проект направлен на то, чтобы значительно больше предприятий, организаций, фермеров и владельцев домашних хозяйств могли получить государственную поддержку в виде субсидий процентных ставок, субсидий тарифов по страхованию и других. Малые формы хозяйствования в сельской местности производят в настоящее время около половины валовой продукции сельского хозяйства. Около 20 % личных подсобных хозяйств сельских жителей торгуют собственной продукцией. Мелкие предприниматели, занимающиеся торговлей, закупкой сырья, дикорастущих растений и грибов, бытовым обслуживанием населения, народными промыслами и другими видами деятельности, составляют около 15 % занятых в сельской местности. Развитие сельской кооперации в рамках национального проекта основано на поддержке со стороны государства. На сельские потребительские кооперативы распространен

режим налогообложения сельхозпроизводителей. В 2006–2008 годах в России предусмотрена организация 2 550 сельских потребительских кооперативов. Взаимодействие крестьянских (фермерских) хозяйств и подсобных хозяйств с крупными сельхозпредприятиями, агрофирмами и агрохолдингами следует осуществлять в форме контрактного сельского хозяйства, когда крупные предприятия передают малым формам хозяйствования материально-технические ресурсы, семена, молодняк скота, кредиты и реализуют произведенную ими продукцию.

Село — это такой синтез зависимостей и связей между подручностью (удобством) места жизни и смыслом пожизненного пребывания в нем, который легко разрушается, но почти никогда не восстанавливается. Это доказала практика сселения неперспективных деревень. Хотя власть, спохватившись, пыталась что-то вернуть назад, но безуспешно. Ныне село подвергнуто аналогичному испытанию. Это не может считаться адекватным ответом на социальные ожидания сельских жителей и городских потребителей сельскохозяйственной продукции.

Аграрная социология давно и настойчиво доказывает, что село и аграрная экономика, хозяйствование на земле — это особая система, не сравнимая ни с одной известной в мире отраслью. Если в силу каких-то обстоятельств оказывается подорван один из внутренних элементов, это влияет на всю систему, причем при каждом новом подрыве она (система) только опускается на более низкую ступень деградации. Восстановления не происходит. Исчезли рабочие места в сельском хозяйстве — молодежь ориентируется только на переезд в город. Нет повседневной занятости — многие предаются пьянству, что завершается алкогольной зависимостью. Крупхоз не обеспечивает работой и зарплатой — семья сосредоточивается на ЛПХ, которое со временем (с постарением людей) сокращается. А в государственной статистике речь идет только о сельскохозяйственной отрасли, и отношение к ней такое же, как и к прочим отраслям: строительству, коммунальному хозяйству и другим, которые можно реанимировать, привлекая новые кадры. В сельском хозяйстве потерянные кадры уже не вернешь никакими мерами. Однако продолжает существовать миф об избыточности сельского населения, который поддерживается сравнением с зарубежными образцами. Социологи уже не раз высказывали сомнения о корректности сравнения таких показателей, как пресловутые 5 % сельского населения, которые будто бы кормят зарубежную страну и почти четвертую часть живущих в сельской России, призванных осуществлять эту же функцию. В нашей стране многие на селе «просто живут», не будучи заняты в производстве. Так было и в советское время, и особенно усилилось в последние 15 лет. Но живут они «не бесполезно» для страны: возникают новые поколения, поддерживается культурный ландшафт территории, государство «избавлено» (к сожалению) от их трудоустройства, создания условий жизни, равноценных городским.

Жизненная перспектива локального и регионального социумов зависит от того, какой сценарий будущего будет принят к действию по его претворению. При победе либерально-ориентированного сценария на формирование крупных землевладений (латифундий) новые хозяева перестанут нуждаться в живущем на селе населении в качестве рабочей силы и соответственно заботиться о его благополучии. Больше того, не исключено возникновение напряженности по поводу использования массовыми слоями селян «господских» угодий под пастбища, сенокос, охоту и рыбную ловлю. Этот сценарий приведет к саморазрушению и самоликвидации многих сельских поселений и соответственно — локальных социумов.

Более гибким, хотя и не исключающим дальнейшее уменьшение числа сельских жителей и поселений, является умеренно-консервативный сценарий, предполагающий смешанные формы земельной собственности. Это предполагает частичное владение ею государством и использование на правах аренды, поддержку различных частных и корпоративных хозяйственных укладов, равно как и создание казенных предприятий по ключевым направлениям развития АПК (элитному семеноводству и животноводству, инновационных центров и т. п.). Мы надеемся, однако, что у села есть альтернативы выживания сегодня и возможно появятся в будущем и новые. Их могут породить многообразные практики согласования интересов главных агентов социального воспроизводства села — власти, бизнеса и сельской общности. Науке нужно своевременно их осмысливать и вводить в информационное пространство.

Список литературы

- Бондаренко Л. В.* Социально-психологический климат в российской деревне // АПК: экономика, управление. 2005. № 11. С. 39.
- Низова Л.* Инфраструктура села и занятость // Человеческие ресурсы. 1999. № 1–2 // <http://www.pmuc.ru/jornal/number5/nizova.htm>.
- Статистический сборник.* М. Росстат, 2005.
- Российский статистический ежегодник.* М. Росстат, 2004.

Пётр Панфилович Великий
д-р филос. наук, профессор,
зав. сектором социальной структуры и социодинамики села,
Институт аграрных проблем РАН,
профессор Поволжской академии государственной службы, Саратов
электронная почта: apk@mail.saratov.ru
